

Л. А. Балыкова

ТУРГЕНЕВ и ШАРЛЬ НОДЬЕ: ДВЕ ПОВЕСТИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Исследователи не раз обращали внимание на диалогическую природу творчества И. С. Тургенева:¹ собеседование, диалог, полемика, перенесенные часто из живого общения автора с людьми его круга, вдохновленные публицистикой, научными трудами или художественными творениями, — все, что волновало писателя, шло в дело и способствовало выявлению его собственной позиции. М. М. Бахтин, говоря о языке романов Тургенева, заметил, что «в своей основной массе этот язык вовлечен, втянут в борьбу точек зрения, оценок и акцентов, вносимых в него героями, он заражен их противоборствующими интонациями и расслоениями».² Это размышление Бахтина, думается, в известной мере приложимо и к произведениям писателя иных жанров.

Функция «чужого слова»³ у Тургенева многообразна — оно в конечном счете раздвигает рамки художественного высказывания, предоставляя большие возможности для углубления интерпретации художественного произведения. Значительную роль играют у Тургенева отсылки к чужим текстам как в пространстве самого художественного дискурса, так и в тургеневской эстетике на определенном этапе ее развития. В этом смысле представляет интерес «встреча» Тургенева с французским романтиком Шарлем Нодье.

¹ См.: *Ладария М. Г.* Живые ключи дружбы. Сухуми, 1976; *Батюто А. И.* Достоевский и Тургенев в 1860–1870-е годы (Только ли «история вражды»?) // *РЛ*. 1979. № 1. С. 41–64; *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л., 1987; *Генералова Н. П.* Еще одна книга из парижской библиотеки Тургенева в Пушкинском Доме // *РЛ*. 1987. № 2. С. 132–137.

² *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 130.

³ Эту тему, на наш взгляд, весьма успешно разрабатывает венгерская исследовательница Каталин Кроо: *Кроо К.* Интертекстуальная поэтика романа И. С. Тургенева «Рудин». СПб., 2008.

Имя Нодье, до сих пор не входившее в круг тургеневских персоналий, не случайно привлекло нас: в семье Тургеневых его весьма отличали. В книжном собрании писателя сохранилось пятитомное издание сочинений французского романтика — все тома имеют владельческий автограф В. П. Тургеневой. Знаменитый в свое время роман «Жан Сбогар» присутствует даже в двух экземплярах; в обоих — автографы матери писателя. На полях книг — многочисленные пометы, принадлежащие, как мы полагаем, Варваре Петровне и ее знаменитому сыну. Для первых характерно внимание к таким темам, как материнская любовь, гордыня, ревность, коварство. Вторые отличает интерес к форме высказывания, к стилю, к вопросам политики (рабство, тирания, коррупция), к положению художника.

Обращает на себя внимание публикация перевода повести Нодье «Серафина, или Первая любовь», помещенного в томе 49 (№ 1–4) лучшего журнала первой половины 1830-х годов «Московский телеграф», комплект которого сохранился в книжном собрании писателя. Именно на страницах данного тома имеются многочисленные пометы — подчеркивания, вопросительные, восклицательные знаки; порой оценочные высказывания на полях в большей степени характеризуют читателя, которого отличают пылкость чувств и склонность к философским созерцаниям. Как кажется, они принадлежат совсем молодому человеку. Полагаем, что читатель этот — Тургенев, хотя вопрос о принадлежности помет и маргиналий не так прост и требует особого рассмотрения.

Большая часть номеров журнала «Московский телеграф» из мемориальной библиотеки Тургенева изначально принадлежала В. Г. Белинскому⁴ и имеет характерный переплет и тиснение. Интересующий нас том имеет иное оформление, отличное от принятого Белинским (критик сам отсылал книги переплетчику и делал необходимые указания о характере переплета, тиснении и т. д.). Указание Л. Р. Ланского, обследовавшего библиотеку de visu, на то, что вся подборка «Московского телеграфа» принадлежала к собранию Белинского, на наш взгляд, нуждается в уточнении: здесь встречаются дублетные экземпляры, на одном из них имеется автограф молодого Тургенева, что является неопровержимым свидетельством чтения «Телеграфа» в семье Тургеневых в 1830-е годы.⁵

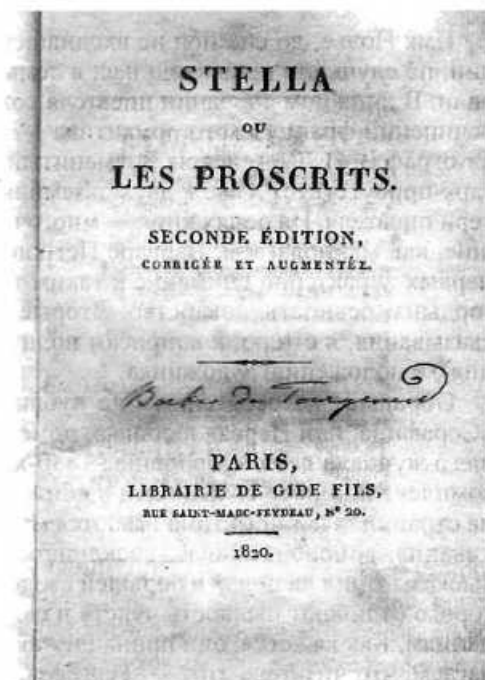
Характер помет, содержание отмеченных текстов, по нашему мнению, заставляют усомниться в принадлежности их критику. Именно читательские пометы в указанном томе позволяют говорить о том, что они принадлежат Тургеневу. Читатель — пылкий юноша, увлеченный романтическим слогом, вступающий в диалог с авторами. Так, на полях сочинения Мишле «Новые идеи о Всеобщей истории» рядом с рассуждением автора о том, что «в суровом мире Природа ничего не дает

⁴ Описание библиотеки В. Г. Белинского в составе книжного собрания И. С. Тургенева см.: Ланский Л. Библиотека Белинского // ЛН. Т. 55. С. 431–572.

⁵ Упоминание о чтении журнала в семье Тургеневых содержится в письме будущего писателя к дяде Н. Н. Тургеневу от 3, 4, 5, 6, 7 апреля н. ст. 1831 г.: «... в 8-м часов сию уж

Stella ! n'écraie-je en tne jettant à ses genoux
et je couvris ta main de pleurs.

Собрание сочинений Ш. Нодье на французском языке
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

даром, она предписывает человеку труд, деятельность воли», он возражает историку: «А поле?». Увлеченность романтизмом сказывается в оценках «Да!», «Хорошо!». Например, на странице 34 маргиналией «хорошо» отмечен пассаж: «Зажгите слова мои огнем, и тогда я выжгу в душе другой чувства мои такими буквами, что он поймет их...». Весьма характерен для настроений юного Тургенева⁶ отклик (помета) на странице 73: «Если бы горела война, изумлявшая Европу в 1812-м году, если бы грудью своею ломил нашу Русь тогдашний великан, которому мечами вырубili народы могилу в утесах острова св. Елены — под заздравным кубком смерти можно было бы отдохнуть душою...». Не менее характерны пометка с восторженным упоминанием имен знаменитых артистов: «О Рафаэль, о Моцарт, о Шиллер!» или размышле-

я за столом классным, на моем месте, и оканчиваю письмо; на учительском сидит Николенка, ест шепталу и читает альманах; против меня Никанор читает „Телеграф“ <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 121). Свидетельства чтения журнала встречаются у Тургенева и позднее.

⁶ О патриотических настроениях юного Тургенева, отразившихся в круге его чтения, см.: *Балькова Л. А.* Периодические издания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева (1754–1825) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 36–37.

ния о материальном и духовном в повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» на страницах 76–77: «Кто исчислит меру воли человека, совлеченной всех цепей вещественных? Где мера и той божественной Вере, которая может двигать горы с их места, той дочери небесной Софии, сестры Любви и Надежды? Природа иероглиф, и все вещественное есть символ невещественного, все земное неземного, все вещественное духовного. Можем ли пренебречь этот мир, доступный духу человеческому?». Примеры можно продолжить — они свидетельствуют об искренней увлеченности читателя (мы считаем, что им был юный Тургенев) романтизмом, его философией и эстетикой.

Своего рода указателем, позволяющим судить об общественном и имущественном положении читателя, можно бы считать следующий, отмеченный восклицательным знаком отрывок из повести Полевого: «Дед мой жил, как богатый русский помещик, окруженный бесчисленной дворней, льстецами, прислужниками» (С. 69). Тургенев, происходивший из такой семьи, на опыте знал о подобных обычаях, слышал рассказы о барских причудах деда, пострадал от всякого рода «прислужников» и посвятил этой стороне русской жизни немало ярких страниц.

Полагаем, «знаком» чтения Тургеневым книжки журнала, на этот раз повести Нодье «Серафима, или Первая любовь», является расплывшаяся помета (восклицательный знак?) на полях текста, как будто подтверждающая заветные мысли читателя: «Ни одна из всех азбук, письменных и умственных, которые старался я разобрать, ни одна не внушала мне такой привязанности к себе, как азбука природы».⁷

Через много лет, работая над повестью «Первая любовь», Тургенев обратится к началу 1830-х годов, к тому времени, когда он сам пережил свой первый роман, к поре споров о романтизме и классицизме, не раз он упомянет в своем шедевре и журнал «Московский телеграф», он даже позаимствует имя одного из героев повести — графа Малевского — у участника «польской группы» редакции «Телеграфа» Федора Малевского.

Исследователи немало сделали для выяснения истории создания повести «Первая любовь», для изучения ее поэтики, ее места в творческом наследии писа-

Повесть Ш. Нодье «Серафима, или Первая любовь» в журнале «Московский телеграф». Первая страница

⁷ Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 3. С. 384.

«Московский телеграф» (1833. Ч. 49)
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

теля.⁸ В данной работе мы решили обратиться к «чужим текстам» — образам, мотивам, сюжетным ходам, которые входят в контекст тургеневского шедевра. Речь идет об указанной выше публикации «Московского телеграфа», а именно о повести Ш. Нодье «Серафима, или Первая любовь».

Обе повести — Тургенева и Нодье — рассказывают читателю об открытии мира и себя в этом мире совсем молодым человеком, и рассказ этот окрашен во взволнованные, лирические тона. Недаром Флобер писал Тургеневу по прочтении его повести: «Все старые романтики (я один из них, который клал кинжал под голову), — все они должны быть признательны вам за этот маленький рассказ, который так много говорит об их юности».⁹ Среди «старых романтиков» Флобер, конечно, числил и Шарля Нодье, автора повести «Серафима, или Первая любовь», перевод которой был напечатан в «Московском телеграфе».

⁸ См.: Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919. С. 90; Чернов Н. М. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // ВЛ. 1973. № 9. С. 225–241; *Tourguénev. Premier amour* / Trad. de Michel Rostislav Hofmann. Cronologie, préf., notes et arch. de l'œuvre par Peter Brang. P., 1974; Грюбель Райнер. Воспоминание и повторение. Две модели повествования на примере повестей «Первая любовь» Тургенева и «Вымысел» Гиппиус // Русская новелла. Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 171–195.

⁹ Цит. по: ИССул(2). Соч. Т. 6. С. 488.

Произведение Нодье, так же как повесть Тургенева, носит автобиографический характер: французский писатель передает эпизод времен Великой французской революции, когда отец четырнадцатилетнего Нодье возглавлял Революционный трибунал в Безансоне. Отметим, помимо названия, очевидные параллели в произведениях двух писателей: схожие черты имеют фабулы обеих повестей — у Тургенева, как у Нодье, герой, занятый подготовкой к дальнейшей учебе, попадает в новую обстановку, где его ожидают новые знакомства и первая любовь. Действие в обеих повестях происходит на лоне природы, вдали от суеты большого города; там герои почти полностью предоставлены себе и предаются любимым занятиям. Еще одна общая черта: оба героя полюбили девушку старше себя. Правда, в повести русского писателя эта возрастная дистанция более значительна и усугубляется соперничеством с отцом и окружением Зинаиды.

В известной мере схожим в повестях является и статус героинь: у Нодье Серафина вынуждена скрываться в провинции, в родовом замке — вся ее семья подверглась гонениям; влюбленный же в нее подросток принадлежит к лагерю республиканцев.

У Тургенева в ложном положении оказывается княжна Зинаида, чье происхождение и воспитание не соответствуют ее положению обедневшей дворянки: «Что за честь, коли нечего есть», — горько шутит ее мать.

Развязка обеих повестей тоже разительно схожа: обе героини умирают в финале, одна — от заразной болезни, другая — в родах.

Есть сходство и в композиционном оформлении произведений, в их обрамлении: рассказ ведется по прошествии лет, от лица постаревших героев (обоим около сорока). Оценивая минувшее, оба приходят к заключению, что первая любовь была главным, самым ярким событием в их жизни. Герой Нодье уверен: «Я ничего не потерял и ничего не приобрел с тех пор, и, если бы я умер тогда, моя жизнь осталась бы не менее полною. Жизнь полна, если человек любил». Ему вторит Владимир Петрович из «Первой любви» Тургенева: «И теперь <...> что у меня осталось более свежего, более дорогого, чем воспоминания о той быстро пролетевшей, утренней, весенней грозе?».¹⁰

Указанные параллели, думается, дают основание рассматривать повесть Нодье в качестве претекста «Первой любви» Тургенева. Темы, образы, характеры произведения «туманного романтика» (Стендаль) находят своеобразный отклик, приобретая в глубине и сложности у Тургенева. Прежде всего, это относится к образу главного героя.

Оба автора, и Нодье и Тургенев, ставят целью показать путь духовного становления подростка, его возмужания. В финале любовной истории к героям приходит некое прозрение о смысле происшедшего, о смысле жизни вообще. В сознании их для этого все как будто было подготовлено: оба склонны к созерцанию, обоих отличают любовь к

¹⁰ Там же. С. 363.

природе, серьезная начитанность. Правда, подросток у Нодье более склонен к философствованию, он — естествоиспытатель-систематик, в духе своего времени, он воспитан в традициях Просвещения. В круге его чтения — Лавуазье и Плутарх, Сенека и Монтень, Шекспир и Сервантес, Ариосто и Бернарден де Сен-Пьер.

Что касается тургеневского героя, то его любимые авторы — мятежные романтики: он читает «Разбойников» Шиллера, «Записки крестовых походов» С. Коттен, «Цыган» Пушкина и т. п. Перечисленные авторы вполне характеризуют умонастроение подростка и его время. Увлечение идеями Просвещения и экзальтация природы — у Нодье, пафос героического и необычайного — у Тургенева.

Герой Нодье увлечен энтомологией, сбором минералов. В его домике имеется своя лаборатория, маленький музей. Сачок, лупа, скальпель таксодермиста (он делает чучела птиц) — вот его инструменты, символизирующие поиск истины. Его коллекция позволяет ему создать своеобразную модель мира, где все есть часть природной материи. Даже глаза полюбившейся ему девушки он сравнивает с прозрачным голубым кристаллом — он будто пытается «встроить» чудо любви в понятную классификацию природных явлений.

Любовная линия в повести развивается в традициях сентиментализма: история протекает поначалу на фоне безмятежной природы, в гармонии с нею; даже порывы ревности и страсти принимают оттенок пасторальной идиллии.

Однако во второй главе (повесть состоит из двух глав) в истории любви начинают проступать романтические черты. Старинный замок предков Серафины, окруженный глубоким рвом с живущими там саламандрами, холм, на котором он расположен, с узкими тропами и таинственной «совиной норой», становятся свидетелями романтических приключений. История продолжается по законам романтического жанра: герой находится в постоянной тревоге за свою возлюбленную, ему приходится перескакивать через ужасный ров, скользить по опасной тропе с риском сломать себе шею. В стихах он благословляет любовное рабство, он мечтает о славе, чтобы освободить от преследований Серафину и ее близких. Он даже готов ради нее отречься от республиканских убеждений своей семьи.

Вольдемар в повести Тургенева — более поэт и психолог, нежели философ. Он весь во власти романтических образов и чувств. В его бедной на впечатления степенной и смиренной жизни так мало возвышенного, героического, что он с радостью отдается игре, придуманной Зинаидой. На протяжении почти всего повествования сталкиваются реальность и вымысел, жизнь и игра. И порою кажется, что жизнь как-то проигрывает, даже становится досадной помехой увлекательной игре. Достаточно вспомнить эпизод с котенком, которого Беловзоров принес Зинаиде — она почти сразу же утратила интерес к пушистому живому комочку.

Игра же в доме Зинаиды творится по законам обожаемых подростком рыцарских романов: здесь княжна (принцесса), ее верные подданные, ее паж, получающий в знак отличия алую розу. При «дворе» Зинаиды есть свой трубадур, есть и тайный возлюбленный. Каждый из подданных клянется в верности даме сердца и готов умереть за нее. Что сбывается почти буквально. Игра становится жизнью. В финале повести, когда уходит, «съеживается» любовь, к подростку приходит отрезвление, события приобретают реальные очертания.

Так в обеих повестях результатом истории любви становится перелом в характере и мироощущении героев. В этом, думается, перекликаются замыслы французского и русского писателей, сохраняя при этом неповторимый колорит места и времени.

Как было замечено, для героев Нодье и Тургенева история первой любви — это история постижения смысла жизни. На уровне образной системы прочерчивается своеобразная траектория духовного пути героев — ей соответствует и перемещение в физическом пространстве: у Нодье юный влюбленный, первоначально прикованный взором к земле, где он разыскивает редких насекомых и минералы, постепенно возводит очи горé, к холму, где живет возлюбленная, затем он карабкается вверх по склону горы во тьме и в тумане к замку своей Серафины (самое имя девушки означает небесную, божественную сущность). Особенно выразительно и символично его последнее восхождение. На расвете, среди густого тумана юноша достигает замка, вот он у заветных дверей, он видит свет наверху, входит и застаёт ужасную картину: две нищие старухи обряжают в саван его возлюбленную — свет освещает картину смерти. Герою открывается тайный смысл происходящего. Хотя в то время гильотина уже перестала пожирать свою жатву, Серафина была обречена: не нож гильотины, так смертельная болезнь стубила ее. Человек не властен над тайными силами, управляющими миром, он — хрупкая кукла в руках судьбы. Это прозрение фатальным образом сказалось на характере героя, который вначале пытался покончить счеты с жизнью, после чего меланхолическое расположение духа уже больше не покидало его. Градус его мироощущения резко снижается, тьма обступает его со всех сторон.

Владимир в повести Тургенева «движется» в противоположном направлении. В начале повествования он духовно пробуждается, ускоряется ритм его жизни, взор устремляется к небу, «принимая его сияющий свет и лазурь в разверстую душу». Потом этот свет и лазурь сосредоточиваются в глазах возлюбленной. Тургенев многократно переписывает, уточняет описание светлых сияющих глаз Зинаиды, которая становится божеством для героя. Потом он увидит эти глаза, этот свет совсем близко, лежа на земле после прыжка со стены. Вообще «свет» у Тургенева разнообразно сопровождает, комментирует историю первой любви: он льется с небес — то приветно, то враждебно — с молнией и громом, он отражается в глазах отца, который то улыбается светло, то уставляет на него холодный взгляд светлых глаз. В очах воз-

любленной отражаются разнообразные чувства — «как тени облаков в солнечный ветреный день». Любовная страсть отдаляет героя от неба: тогда он сравнивает себя с жуком, привязанным за ножку, кружащимся в замкнутом пространстве.

Смерть Зинаиды заставляет Володю мысленным взором спуститься во тьму могилы, вообразить эти возлюбленные глаза в тесном ящике — видение, от которого юноша пытается заслониться стихами любимого Пушкина:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я <...>.¹¹

Так, трезво и почти грубо живое отталкивается от мертвого. Но рассказчик тут же спохватывается: истина, конечно же, не в этих строках, а в некой сублимации первой любви. В память о Зинаиде он присутствует при кончине бедной старушки, рядом с ней переживает ее смертный час. В миг поминальной молитвы эгоцентризм юности покидает его, а любовь предстает ему иным ликом — милосердия и всепрощения. Прозрение героя свидетельствует о его вступлении в новую «фазу» жизни — в эпоху ответственности и трезвения. Его путь от «небесного» к «земному» на самом деле знаменует его духовное восхождение.

Это очень тургеневский финал, в котором выразилось национальное своеобразие писателя.

Из сказанного можно сделать вывод, что повесть *Нодье* дает повод говорить о ее разнообразном имплицитном присутствии — сюжетном, композиционном, образно-символическом — в интертексте «Первой любви» Тургенева. Русский писатель как будто вступает в своеобразное соревнование со своим предтечей-романтиком. Он сумел показать богатый, сложный внутренний мир молодого человека в процессе становления, утверждения реалистического мироощущения, проникнутого сочувствием к человеку.

Представляется, что Тургенев уловил в повести *Нодье* и чисто художественную установку: показать смену эпох — в стиле, модели поведения, мирозерцании — от просветительской системы координат к романтизму. Этот путь прошел сам знаменитый библиотечарь Арсенала. Он до смерти уже не покинет почвы романтизма, в конце жизни переживает увлечение магией сновидений, фантастического.

Что касается автора «Первой любви», то и он, как известно, не сразу ступил на путь реализма. В повести ярко воссоздана эпоха романтизма с ее спорами о литературных течениях, свидетелем которых был он сам. Собственно, повесть в известном смысле есть спор о романтизме и реализме. Справедливый, на наш взгляд, вывод делает Р. Грюбель, рассматривая модель повествования в повести «Первая любовь»: «...повесть можно бы расшифровать как модель возникновения ее собствен-

¹¹ ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 363.

ной эстетики. Повествование создает не только самоизложение хронотопа личности рассказчика, но и хронотоп эстетики тургеневского повествования».¹² Романтизм, в конце концов, говоря словами доктора Лушина, представляется оранжереей, где приятно пахнет, да жить в ней нельзя. В рецензии на перевод «Фауста» М. Вронченко Тургенев, характеризуя эпоху мечтательного романтизма в жизни отдельной личности, писал: «...только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели».¹³ Писатель не устал сопротивляться романтизму в разных его формах — романтизму-фальши, романтизму-фразе, «оранжерейному» романтизму. Но неистребимо жил в нем романтизм как сознание предназначения человека чему-то высшему.

---

¹² Грюбель Р. Указ. соч. С. 182.

¹³ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 202.